

УДК 316.454

СЕРГЕЙ МАКЕЕВ,

*доктор социологических наук, заведующий
отделом социальных структур Института
социологии НАН Украины, Киев*

Интеллектуалы: три образца отношения к войне

Считается (стоит поверить — действительно считается), что определение “интеллектуал” применительно к тем, кто думает и судит оригинально и самостоятельно, стало популярным сначала во Франции в конце позапрошлого века после так называемого дела Дрейфуса, расколовшего сообщества ученых, литераторов, художников — людей мысли и воображения — на две непримиримые группировки. Через день после известного письма Э.Золя в газете “*L’Aurore*” был опубликован и “Манифест интеллектуалов”, обнародовавший позицию некоторых интеллектуалов относительно фальсификаций, сопровождавших “дело Дрейфуса”.

Однако утверждению нового структурного обозначения способствовал преимущественно Э.Дюркгейм (девичья фамилия его жены, урожденной Дрейфус, не имела никакого значения — однофамильцы, не более того). Имеется в виду публицистическая статья “Индивидуализм и интеллектуалы” (*L’Individualisme et les Intellectuels* (1898). *Revue Bleue*, 4(10), 7–13), в которой на основе теоретических представлений о социальной эволюции дается новое определение индивидуализма. Он трактовался как продуктивный набор прав, идеалов, моральных убеждений, чувств и практик, санкционирующих как автономную ценность отдельной личности, так и формы взаимной ориентации друг на друга, конституирующие структуры совместности и коллективности. Он идет на смену утилитарно-эгоистическим представлениям, постепенно утверждаясь и распространяясь, репрезентируя объект и субъект становящейся органической солидарности. То был момент, когда тогдашняя пресса и политики клеймили “дрейфусарских интеллектуалов” анархистами на кафедрах, бандой надменных безумцев, метафизиками от социологии, людьми, испытывающими преступное удовлетворение от того, что считают наших военных идиотами, наши институты абсурдными, а традиции нездоровыми.

С тех пор обществоведческих монографий, в названии которых имеется слово интеллектуал, появилось очень много. Недавно переиздана пятидесятилетней давности книга Н.Хомски об ответственности интеллектуалов, дополненная эссе, написанными уже в веке нынешнем [Chomsky, 2017]. Был собран и сборник, посвященный его идеям [The Responsibility of Intellectuals..., 2019]. Обмен мнениями между С.Сасен и П.Бэртом уточнил применительно к ситуации больших данных, быстро развивающихся информационных технологий и “постправды” перспективы “социологии интеллектуалов” — дисциплины, ориентированной на изучение самостоятельно и критически мыслящих индивидов в современных условиях [Susen, Baert, 2017].

В 2014 году был повторен английский перевод коллекции эссе 1927 года “Предательство интеллектуалов” Ж.Бенда, французского писателя, неоднократного номинанта на Нобелевскую премию [Benda, 2014]. Предательство — так он отреагировал на невиданную прежде инфицированность самого образованного социального слоя националистическими, человеконенавистническими идеологиями и тот политизированный энтузиазм, с которым его носители включались в события начала XX века. В 2010 году книгу о месте и статусе генераторов идей в новом веке “Интеллектуалы и общество” представил Т.Совелл; в ней теме “американские интеллектуалы и война” посвящены главы 7 и 8 [Sowell, 2010]. В 2008 году распространен электронный вариант монографии П.Джонсона “Интеллектуалы” (впервые издана в 1988-м) о политической и этической позиции двенадцати интеллектуалов, среди которых Ж.-Ж.Руссо, К.Маркс, Г.Ибсен, Л.Толстой, Э.Хемингуэй, Б.Рассел, Ж.-П.Сартр [Johnson, 2008]. Продолжают цитироваться и Reith Lectures Э.Саида “Образы интеллектуала” (Representations of the Intellectual) 1993 года. Образы таковы: хранители национального духа и традиций, интеллектуальные изгнанники, профессионалы и любители, кумиры, всегда терпящие неудачу [Said, 1996]. П.Бэрт в своей книге о Ж.-П.Сартре как публичном интеллектуале вводит различие между “внутриинтеллектуальной ареной” и “публичной интеллектуальной ареной”. На первой интеллектуалы обмениваются мнениями и сообщениями между собой; на второй позиция интеллектуала транслируется медиа, журналистами, издателями на широкую аудиторию [Baert, 2015: p. 14–16].

История наблюдений за интеллектуалами свидетельствует: единства в таком воображаемом сообществе нет, антагонистические расколы явственны, взаимные публичные обвинения распространены, а вдохновленные ими сторонники склонны к обструкции. Генератором подобных расколов обычно являются События — процессы и явления с высочайшим потенциалом разделять и противопоставлять, ставить перед сложнейшим, неотвдимым интеллектуальным и нравственным выбором. Или же напрочь лишать какого-либо приемлемого выбора.

Первая мировая война была, конечно же, таким Событием. Впервые, пожалуй, в мировой истории вводится поддерживаемое всеми ресурсами социальных институтов фундаментальное разделение на войну физических тел, предусматривавшую уничтожение “живой силы”, и войну мыслей — участие интеллектуалов в процессах обоснования приоритетных претензий на правоту, этичность, целесообразность развернувшегося взаимного истребления противоборствующими сторонами. То была война едва ли не исключительно войной национальных патриотизмов, а пацифизм оставался

маргинальным явлением. Публичная арена присутствия интеллектуалов становится доминирующей, академическая же суживается до минимальных размеров. Ученые и писатели участвуют и в войне тел, приостанавливая полностью или же, вопреки всему, продолжая интеллектуальные занятия, следуя призванию и профессии.

Эмпирические образцы отношения интеллектуалов к государственной междоусобице маркируют не отношение к войне, не мысли о ней, но исключительное место и способ действия. Подробнее о трех: публичный патриотизм в тылу; патриотизм на фронте и публичный пацифизм в тылу; верность призванию интеллектуала в тылу и на фронте. Помимо них, вне сомнения, существуют и другие, о которых — лишь вскользь в самом конце. Личности в фокус нарратива отобраны не потому, что представляют собой наиболее убедительные объективации названных образцов. Этого никак не установить; достаточно твердой уверенности в том, что они не только общеизвестны, но и бесспорно являются интеллектуалами.

Публичный патриотизм в тылу: Э.Дюркгейм и М.Вебер¹

Э.Дюркгейм и в силу некоторых черт характера, и усилием воли чуждался политики, твердо полагая, что заниматься ею приличествует особым людям, имеющим к ней страсть, вроде его однокурсника Ж.Жореса. Но ученому, профессору, носителю универсальных идеалов и ценностей не пристало принадлежать ни к какой партии, к чему-то партикулярному и особенному; ареал его жизнеосуществления совпадает с академическим миром. Отсюда присущий ему императив — охранительно и предубежденно относиться к собственной автономии, сторонясь участия в каких-либо политических акциях. И только нечто экстраординарное могло заставить его отречься от подобной безусловности: “дело Дрейфуса”, а потом война и стали такой экстраординарностью.

В предшествующие два столетия французы и немцы вдоволь повоевали. В возрасте двенадцати лет Э.Дюркгейм пережил немецкую оккупацию в родном Эпинале, на спорной территории Эльзас-Лотарингии. Считается, что поражение Франции и проявления антисемитизма, которым он был свидетелем, стали источником твердого, но не воинственного патриотизма. Быть евреем во Франции второй половины XIX века было нелегко: происхождение обязывало — согласно расхожему предубеждению — едва ли не каждодневно подтверждать патриотизм. В семье фамилию всегда произносили на французский манер с кратким “е”, Дюркгейм, а не на немецкий — Дюркгайм.

После начала Первой мировой он принимает роль и статус публичного интеллектуала, пребывая в твердом убеждении, что каждый, сообразно своим умениям, обязан участвовать в войне. На основе доступных дипломатических документов готовит памфлет в соавторстве “Кто желает войны?”

¹ Содержание данного сюжета заимствовано из безусловно авторитетных монографий. Относительно Э.Дюркгейма это интеллектуальные биографии С.Люкса и М.Фурнье [Lukes, 1972; Fournier, 2013]; о М.Вебере — воспоминания его вдовы Марианны и книга Ю.Каубе [Вебер, 2007; Каубе, 2016]. Ссылки на иные публикации приводятся по мере необходимости. Далее прямые цитаты приводятся в тексте в кавычках без дополнительных ссылок.

(“Qui a voulu la guerre?”), в котором анализирует ответственность основных европейских стран за ее развязывание, возлагая основную вину на Австрию и Германию. В другом его памфлете “Германия превыше всего” (“L’Allemagne au-dessus de tout”) критически оценивается “германская ментальность” с ее неискоренимой претензией на пангерманизм, полным доминированием государства над гражданами, обосновываемой идеологически предрасположенностью к войне. Но и тут, при всей антигерманской настроенности, Э.Дюркгейм далек от истерически агрессивного национализма; его желание победы ограничивается укрощением милитаристской направленности прусского государства и сродного ей общественного настроения немцев (М.Фурнье называет такой патриотизм гуманистическим).

Вместе с коллегами, самым известным из которых был однокурсник А.Бергсон, организует комитет по пропаганде основных документов о войне, публиковавший “Письма ко всем французам” (Lettres a tous les Français), изданные потом несчитаными листами трехмиллионным тиражом. Письма поддерживали чувства общности и уверенности в успехе, терпение, выдержку и солидарность и должны были способствовать укреплению того коллективного нравственного сознания, в котором Э.Дюркгейм видел основной регулятор поведения людей — моральное состояние фактически оказывалось оружием в патологических обстоятельствах. Кроме того, национальный патриотизм военного типа был для него, как мы можем представить, тем состоянием, в котором элиминирована значимость каких-либо социально-классовых или экономических различий, в котором конфликт интересов удален за пределы общественного восприятия, одним словом — состоянием единения и солидарности.

Однако не прерывается и сильно ослабленная связь с внутриинтеллектуальной ареной. Не испытывая энтузиазма, Дюркгейм продолжает, вплоть до 1916 года, преподавать в Высшей нормальной школе (Ecole normale supérieure). Аудитории полупусты, большинство студентов призваны в армию (293 из 342-х; 104 погибли); на фронте — его сын, зять и пятеро племянников. Тексты пишутся преимущественно публицистические. В 1914 году, согласно приводимой С.Люксом библиографии, две публикации; в 1915 — три; в 1916 — 11 писем “ко всем французам” и одна статья; в 1917 — заметка об Андре-Арманде Дюркгейме в ежегоднике ассоциации студентов Высшей нормальной школы, изучающих античность. Кроме того, он принимает участие в работе десятка различных комитетов и возглавляет комитет по русским беженцам. Его энергия и энтузиазм поразительны, в письмах он сообщает, что работает так много и трудно, как никогда за последние двадцать лет, что на себя — то есть, скорее всего, на научную деятельность — совсем не остается времени.

Впрочем, времена войны, как и революции, являются и временами подзрений, когда вокруг полно агентов иностранного влияния и шпионов, когда слово “измена” избавляется от покрова латентности и вступает в права. Многим запомнились позитивные статьи Э.Дюркгейма о немецкой общественной науке после его командировки в немецкие университеты в середине 1880-х годов. И 19 января 1916 года одна газета назвала его “бошем с фальшивым носом” (*boche* — прозвище немцев во Франции; намек на фамилию, звучащую на немецкий лад). В Сенате некто М.Годен де Виллен (M.Gaudin de Villaine) потребовал разобраться с “французами иностранного происхождения, такими как Э.Дюркгейм”. Они, дескать, замечены в по-

пуляризации немецкой культуры и немецкого милитаризма. Авторитетные люди вступились за профессора, среди них и тогдашний министр образования, напомнивший, сколь велик вклад “главы французской социологической школы” в патриотическую пропаганду. А М.Мосс, на фронте узнав из газет про нанесенное семье оскорбление, пообещал, демобилизовавшись, дать сенатору посточину.

Обе атаки состоялись тогда, когда перестали поступать сведения о сыне Андре, подававшем большие надежды лингвисте накануне своей первой ученой степени. Отец, радуясь студенческим успехам сына, рассчитывал на будущую совместную работу. В армию Андре был призван во второй половине 1915 года, был дважды ранен и возвращался на фронт, а 18 декабря того же года скончался в Болгарии, близ деревни Давидово в возрасте 23 лет. Семья несколько месяцев пребывала в неведении, пока в апреле 1916-го не получила подтверждение. Некоторое время Э.Дюркгейм никого не принимал, запретил навещать его, заговаривать о сыне. Друзья отмечали стойкость, с которой он переживал потерю, не расставаясь с намерением еще что-то сделать для страны. Но здоровье (ему было 58 лет) быстро оставляло его. В конце года случился инсульт, правая рука перестала повиноваться, и в мае следующего, 1917 года, он констатирует: “лучше умереть, чем так жить”.

* * *

4 октября 1914 года все крупнейшие газеты Германии опубликовали открытое письмо “К культурному миру” 93-х ученых, писателей, поэтов, художников. Оно начиналось так: “Мы, представители немецкой науки и искусства, заявляем перед всем культурным миром протест против лжи и клеветы, которыми наши враги стараются загрязнить правое дело Германии в навязанной ей тяжелой борьбе за существование”. Каждый абзац начинается словами “Неправда что”. Среди подписантов М.Планк, В.Виндельбанд, В.Вундт, В.Рентген. В противовес этому письму Г.Николаи, друг А.Эйнштейна, составляет пацифистское “Воззвание к европейцам”. Но из ста человек, к которым он и Эйнштейн обратились, воззвание кроме них подписали еще двое. Берлинские газеты отказываются его печатать, и оно распространяется в списках. Г.Николаи увольняют с поста кардиолога королевской семьи и из Берлинского университета, отправляя врачом в отдаленный военный гарнизон.

К августу 1914-го М.Веберу уже исполнилось 50 лет. Его подписи под Манифестом 93-х нет, однако с текстом этим он знаком. Его несомненно искреннее желание послужить стране лично и непременно в боевых действиях так и не исполнилось. По состоянию здоровья (не способен на длинные переходы и на езду верхом) он не может быть использован на фронте в этой “великой и замечательной войне... с чем трудно смириться” (читаем у его биографов). В письме своему издателю П.Зибеку с соболезнованиями в связи с “геройской смертью” его сына Вебер пишет, что тот, дескать, “встал на защиту нашего государства и нашей культуры”. В словах сочувствия, высказываемых окружающим по поводу утрат, в разных вариациях повторяется несомненная истина-констатация: коль скоро всем суждено умереть, то нет ничего достойнее смерти за отчизну. Всерьез обижаясь на критику со стороны Р.Михельса такого рода патриотического пафоса, он объявляет о расторжении дружбы с ним.

В воспоминаниях Марианны Вебер и в изложении Ю.Каубе деятельность прежде сугубо кабинетного ученого выглядит примерно так. В первый день мобилизации зачислен офицером в резервную лазаретную комиссию и по 13 часов в день занят устройством лечебных учреждений в административном округе Гейдельберг — участвует в войне телом, но в тылу. В самом начале войны он запомнился Э.Блоху “воинствующим милитаристом”, принимавшим гостей в своем доме в форме военного-резервиста [Derman, 2012: p. 26]. Хозяйство сложное, ему приходится во все вникать, требовать необходимое, договариваться с поставщиками, возмущаться бюрократией, отваживать особ высокого ранга от докучливых посещений раненых. М.Вебер крупный начальник, под его дисциплинарной властью оказывается 42 лазарета, девять из которых организованы и управляются им лично.

Привыкший к уединенной работе за письменным столом ученый вынужден строго следить за надлежащим исполнением обязанностей многочисленным персоналом, разбираться, поощрять, налагать наказания, улаживать конфликты, разграничивать полномочия. Иначе говоря, по факту быть фокусом шума и переполоха выбитой из привычной колеи жизни, никогда во всей полноте не доносящихся со страниц книг и архивных документов. К раненым французам, свидетельствует его жена, относится как к тем, кто требует ухода и лечения, разрешает их посещение соотечественниками из Эльзаса. Организует образовательные курсы для выздоравливающих, впервые за последние 16 лет, читает две лекции.

В семье потери. На востоке, в Галиции, убит младший брат Карл, архитектор, добровольно пошедший добывать победу для Германии. В первый месяц войны на германо-российском фронте в сражении у Танненберга в Восточной Пруссии (ныне территория Польши), там, где была разгромлена 2-я армия генерала Самсонова, погиб муж сестры Лили, художник и тоже доброволец. В письме ей брат Макс опять говорит о чести пасть за Германию в этой великой и удивительной войне — как и маме Елене после гибели брата.

Осенью 1915 года комиссия резервных лазаретов упраздняется, и пока начальство раздумывает, куда пристроить М.Вебера, он подает рапорт об увольнении, который удовлетворяется. Его дарования, аналитические способности, обширные знания достойны лучшего — прямого — применения в статусе умеренно националистического публичного интеллектуала-патриота. Годовой опыт организационной работы он пытается обобщить в социологическом по содержанию тексте, который так и останется в ящике письменного стола. Марианна пересказывает его содержание “как документа скромной службы родине”. Экспертное мнение М.Вебера по политическим вопросам — отношения с Литвой, Польшей, Россией, с европейскими странами — никого не интересует. Способность видеть раньше других надвигающиеся из будущего проблемы не востребована, круг собеседников, понимающих сложность завязывающихся каждым днем продолжающейся войны политических узлов, сказать бы, узок и герметичен — в действительности его практически не существует. За пределами эпизодических контактов с теми, кто тщится прозревать ближайшее грядущее на более или менее систематических основаниях, у М.Вебера стигма “пораженца”. Известный своим воинственно-критическим отношением к принципам, оспаривающим его собственные, несдерживаемым полемическим темпераментом, он мало с кем ладил, многих настраивал против себя [Derman, 2012: p. 130–131]. Это

происходило и тогда, когда он не скрывал неприятия пангерманизма в его официозном проявлении. Равно как и политических деклараций и заявлений, проистекающих из ложно — в этом-то он уверен — понятых представлений о национальной “чести” и “унижении” нации.

В марте 1916 года Вебер подает в Министерство иностранных дел и офисы политических партий докладную записку с анализом политической ситуации в связи с атаками немецких подводных лодок на гражданские суда, предлагает взвешенно безотлагательные дипломатические и военные инициативы. За это, как он полагает, “консервативные горячие головы” непременно объявят его “слабым трусом”. Надежд на адекватную реакцию нет, поскольку, уверен он, “глазомер для возможного и полезного отсутствует у всех”. Претензия на способность выстраивать сбалансированные по интересам политические конструкции послевоенного мира не впечатляет властные сферы; быть может, вследствие нечувствительности к такой способности или отсутствия потребности в ней. Несмотря на это, он становится тем, кем никогда не был, — публичным интеллектуалом. Ю.Каубе сообщает, что с Рождества 1915 года и за последующие три года в газете “Frankfurter Zeitung” Вебер публикует почти 30 статей общим объемом около трехсот книжных страниц.

В частных беседах и в дискуссиях, если они случались, он решительно указывает на бессмысленность обсуждения вопроса о том, кто начал войну, кто виноват — аргументы пропагандистов обеих сторон “одинаково отвратительны”. Столь же неуместной видится ему пропаганда пацифизма: много лучше задаваться определением условий заключения мира. Поскольку Вебер остается при убеждении, что Германия в этой войне “защищается и борется за свое существование”, постольку он отстаивает идею о мире без аннексий и контрибуций. Вероятно поэтому, не расставаясь с надеждой на быстрое возрождение страны и нации, уже после войны протестует против Версальского договора, исходившего из того, что Германия являлась агрессором [Golovin, 2019: p. 143].

Два последних года войны М.Вебер путешествует по стране с докладами, основной темой которых становится послевоенное социально-политическое устройство Германии. Вот некоторые темы его выступлений: “Политическое положение Германии в мире” (27 октября 1916), “Чего ждет немецкий народ от конституционной комиссии немецкого рейхстага?” (8 июня 1917), “Личность и образ жизни” (29 сентября 1917), “Проблемы социологии государства” (25 октября 1917), “Наука как профессия” (7 ноября 1917), “Демократия и аристократия в Америке” (23 марта 1918). Он знал за собой дар — и гордился им — говорить увлекательно, чаще импровизируя, чем следуя заранее подготовленному тексту, не столько внушая свои собственные предпочтения и ценности, сколько проясняя для слушателей их собственные [Derman, 2012: p. 16].

Быть такого не могло, чтобы сплошь неудачный опыт влияния не то чтобы на ход событий, но хотя бы на ход мыслей причастных к принятию решений, никак не отразился на тематике и духе читаемых докладов. Оставив политиков — они безнадежны, — Вебер обратился к студентам, к тем, на чью восприимчивость еще можно рассчитывать. В знаменитейшей и почитаемой в социологической среде лекции “Наука как профессия” он говорит о том, сколь важно формировать умения и навыки сосредоточиваться на са-

мом существенном и всесторонне изучать его, опираясь на интеллект и рациональность. В современной литературе отмечалось, что немецкое *Wissenschaft* не только наука, но и знание, ученость, эрудиция (в английском — *scholarship*). А в нашем контексте название “*Wissenschaft als Beruf*” можно прочитывать и так: “*Интеллектуальность как профессия и призвание*”. В специальном, посвященном мюнхенской лекции номере “*Journal of Classical Sociology*” вводная статья завершается вынесенным в заголовок с претензией на сенсационность тезисом, согласно которому из всей лекции ценность до сегодня сохранило только его упование на знание, ученость, эрудицию; это означает, утверждает автор, что лекция оказалась политической неудачей социолога [Laiz, 2019: p. 228].

Однако подлинная политическая неудача настигла М.Вебера не в тот момент, а когда он, оставаясь верным разделяемым с подписантами “Манифеста 93-х” чувству национального долга и уверенности в праве Германии бороться за свое существование в окружении недружественных народов и так же верным призванию интеллектуала, не смог, вопреки всем усилиям, вмешаться в ход событий и сослужить стране ту службу, к которой считал себя наиболее подготовленным.

Патриотизм на фронте и публичный пацифизм в тылу: М.Мосс и Б.Рассел¹

До войны оба интеллектуала-пацифиста одинаково продуктивны и в мире академическом, и на публичной арене, популяризуя свои взгляды и позиции. В мирное время их пацифизм укоренен в социалистических идеях, которые они разделяли и поддерживали участием в соответствующих организациях. Однако у М.Мосса пацифизм вследствие войны остался лишь слабым, не афишируемым убеждением, перестав быть повседневной практикой и уступив место патриотизму. Тогда как Б.Рассел времен Первой мировой был верен пацифизму и как доктрине, и как жизненной позиции, и как действию.

Марсель Мосс, племянник Э.Дюркгейма (сын его самой старшей сестры Розины, на 14 лет младший, чем дядя) студентом участвует в марксистском кружке, сближается с социалистами Ж.Жореса, пишет статьи в защиту социализма, печатается в “Юманите”. Братство поверх государственных и сословных границ, объединенное человечество — вот что стоит любых усилий, только таким может быть плод действительного интернационализма, вот во что свято верит тот, чей вклад в науку о сообществах и их культуре сегодня трудно недооценить. В начале XX века на разных континентах и в Европе начинаются и завершаются локальные военные конфликты. Но ощущается и угроза большой войны, обсуждавшаяся в 1907 году на конгрессе социалистов в Штутгарте (II Интернационал). Участвуют 900 депутатов, присутствуют все виднейшие бельгийские, французские, немецкие, итальянские, русские лидеры партий. Формулируется лозунг “Война — войне”, Ж.Жорес отстаивает необходимость всеобщей (глобальной) забастовки в

¹ Содержания данного сюжета заимствованы из интеллектуальной биографии М.Мосса от М.Фурнье [Fournier, 2006], автобиографии Б.Рассела и его статьи о роли интеллектуалов [Рассел, 2000; Russell, 1939; Russell, 2009].

случае войны — единственного эффективного средства ей противостоять. И Ж.Жорес, и М.Мосс в многочисленных статьях предупреждают об опасности войны, о приготовлениях к ней во Франции и других странах — в Австрии, Германии, России. Все это — тщетные, как оказалось, и не только ими предпринимавшиеся попытки рационально, оперируя экономическими, социологическими, антропологическими данными, убедить разные слои населения, политиков, правительства, что причин для войны нет, что мир близок, почти в руках. После начала войны организовать глобальную забастовку уже не пытались.

Ж.Жорес был убит выстрелом в голову 31 июля 1914 года в ресторане в Париже во время ужина с двумя соратниками. Антимилитаристские настроения лишились своего основного камертона. Массовой бойне, интенсивно подготовляемой после убийства в Сараево, будто был дан старт. Первого августа Германия объявляет войну России, третьего в Первую мировую вступает Франция. Воля к войне в который — и не в последний — раз оказалась состоятельнее воли к миру. Отныне за мир предстояло бороться еще и физически, выставляя уязвимо-беззащитное тело препятствием там, где разворачивалась битва железных машин и прочих, несущих смерть, орудий убийства. Интеллектуалы-интернационалисты замыкаются в “национальных квартирах”, патриотизм решительно берет верх — война, в подчинении которой все ресурсы и силы государства, эффективно превращает возвания крови, почвы, корней, до этого приглушенных органических начал жизни, в добровольное или вынужденное поведение индивидов.

М.Мосс, только что назначенный заместителем директора исследований в Высшей практической школе (Ecole Pratique), записывается добровольцем (ему 42 года). В декабре 1914 года солдат-социолог назначен переводчиком в 27-й Британский дивизион и вполне этим удовлетворен, находя военную службу до времени в тылу хорошей уже тем, что тебе не надо самостоятельно решать что делать и о чем думать. Письма родным и друзьям с фронта вполне стандартны — у меня все хорошо, здоров, бодр. Присвоенное ему в марте 1915 года звание капрала и перспектива стать офицером шутиливо обсуждались его друзьями (звание офицера-переводчика третьего класса было присвоено в следующем году). Он страстно желает победы союзников над “бошами”. Начальство отмечает его храбрость, выдержку, хладнокровие в самых сложных ситуациях и представляет к наградам. В периоды затишья он вроде бы начинает писать книгу “О политике”, предполагая в ней разработать следующие темы: (1) цивилизация (распространение торговли, технологии, религия, язык); (2) морфологические явления (миграция, колонии, средства связи); (3) социальные явления (война, колонизация). Ничего не вышло, дальше планов дело не двинулось.

Потому что на войне ему не до теоретизирования — дядя в письме призывает его не строить догадок о событиях, а пытаться сохранять спокойствие и равновесие в каждый проживаемый день. К тому же в окопе, в атаке, под бомбежкой, не до миротворческих планов, пацифистские маневры политиков в тылу вызывают у М.Мосса крайнее раздражение, как и поверхность публикаций в социалистической “Юманите”. Принесенные жертвы, затраченные усилия, смерть друзей и коллег вольно или невольно сообщают черты дезертирства антивоенным мировоззрению и движению. Уклонение от войны приравнивается им к бесчестию.

* * *

Однако многое не так в случае политизированного пацифизма Б. Рассела, который всего на восемь дней младше М. Мосса. По другую сторону Ла-Манша не велись боевые действия, не было угрозы оккупации, для функционирования социалистических организаций, циркуляции и распространения пацифистских воззрений сохранялись приемлемые складки общественного пространства. Открыто действовал комитет противодействия мобилизации на военную службу, депутаты пацифистов встречались с членами правительства и предъявляли свои требования. Много лет спустя, уже после Второй мировой, в “Автобиографии” Рассел иронично описывал ситуации, в которых оказывался.

Убежденный противник войны тел, активный участник войны мыслей, в июле 1914 года Б. Рассел составляет декларацию с призывом к Великобритании сохранять нейтралитет в грядущей войне, собирает подписи “большого числа профессоров и преподавателей” и публикует в газете “*Manchester Guardian*”. Каково же было его удивление, когда ко дню объявления войны все они изменили свое мнение. Еще более его поразило, что перспектива массовых убийств “вызывает восторг у обыкновенных людей”. Шумные и многочисленные манифестации в поддержку войны развеивали социалистическую иллюзию, будто вооруженные конфликты нужны исключительно правящему классу. Каждый в отдельности и в массе на шествиях — интеллигент ли, служащий или рабочий — вели себя иррационально, так, будто в их интересах было погибнуть.

Вдруг выявившееся отношение к войне многое изменило в представлениях Рассела о роде человеческом. Он полагал, читаем в “Автобиографии”, будто народам свойственно любить своих чад, но теперь убедился, что это, скорее, исключение; полагал, что люди любят деньги, но оказалось, что еще больше они любят разрушать; полагал, что только десять процентов интеллектуалов предпочтут истину популярности. Не избежал, естественно, великий логик и философ “мук патриотизма”, подчас желая “поражения Германии так же страстно, как какой-нибудь отставной полковник”. Но был убежден — сохранение достоинства возможно лишь в активном противостоянии войне. В статьях и на публичных выступлениях он изобличал войну и сопутствующие ей националистические мифы, ложь и лицемерие правительства. Коллеги по Тринити-колледжу стали сторониться его, а администрация, “внося свой вклад в победу”, запретила читать лекции. Путь от пацифизма к патриотизму, проложенный и пройденный многими, среди которых оказался и А. Уайтхед, предлагал себя, но он на него так и не ступил.

Летом 1915 года Рассел написал книгу “Принципы социальной реконструкции”: война вынудила его заниматься тем, чем он никогда не интересовался — почему люди поступают так, как они поступают. Творчество — призвание интеллектуалов — должно было, пришел он к заключению, стать принципом преобразования общества. Он составляет письмо к президенту США В. Вильсону с призывом спасти европейскую цивилизацию от самоуничтожения в войне. Оно тайными путями доставляется в Комитет американских пацифистов и публикуется “чуть ли не во всех американских газетах”.

Рассел интересуется печальной судьбой немцев в Великобритании, пока их не интернировали, пытается им помогать. Вместе с соратниками ездит

по стране, призывая отказываться от военной службы по религиозным или политическим мотивам. Некоторые патриотические газеты называют их немецкими шпионами, посылающими световые сигналы вражеским аэропланам, чтобы они знали, куда сбрасывать бомбы. Возмущенные граждане не раз норовили расправиться с ними: на собственной шкуре случалось убедиться в силе как “низового” национализма, так и национализма “нисходящего с небес” политического мира. Рассел выступает в защиту узников совести. Посещает суды и трибуналы на процессах членов Антимобилизационного комитета — иногда полный состав его оказывался в тюрьме.

Сотрудничая с комитетом в его еженедельной газете “*Tribunal*”, Рассел регулярно в ней печатается. За статью в феврале 1918 года, где, ссылаясь на доклад Сената, он рассказал, что американские гарнизоны, размещаемые в Англии и Франции, будут использоваться для запугивания бастующих, к чему они приучены на родине, был приговорен к шести месяцам тюремного заключения. Вердикт гласил: за публичное нанесение ущерба отношениям с США. В заключении много читает, пишет книгу “Введение в философию математики” и приступает к работе над “Анализом сознания”. Освобожден незадолго до окончания войны. В автобиографии признается, что никогда не считал себя пацифистом, оставаясь скептиком-интеллектуалом.

Эту свою установку Б.Рассел описал в речи о роли интеллектуалов в современном мире в 1939 году в социологическом клубе университета Чикаго. Скептицизм состоит в том, что интеллектуалы и их книги практически не влияют на ход событий. Я сильно сомневаюсь, говорил он собравшимся, что не будь К.Маркса, в России не случилась бы революция. Интеллектуалу дано предугадывать события и их последствия всего лишь чуть раньше остальных; его слова могут иметь широкое хождение, его позицию многие могут разделять, но вещи идут каким-то своим чередом, не очень озабоченные такими малозначимыми обстоятельствами. Интеллектуалу только и остается, что безнадежно настаивать на своем: нет и не может быть рациональных объяснений войны, ее оправданий, предлогов участвовать в ней. В преддверии 80-летия в “Автобиографии” в первой строфе посвящения жене Эдит он пишет, что долгие годы искал мира, но нашел только исступление, страдание, безумие, одиночество, гнетущую боль, разъедавшую сердце.

То не было разочарованием, но бесстрастной констатацией факта — таким он застал человечество, таким и оставляет.

Верность призванию интеллектуала в тылу и на фронте:

А.Шопенгауэр и Л.Витгенштейн¹

Чтобы не позволить войне вытеснить на далекую периферию сознания интеллектуала все то, что конституирует его как человека преимущественно размышляющего, требуются редко встречающиеся склад ума и экзистенциальная установка, предписывающая ничем не отвлекаемую сосредоточенность на себе и своей работе. Именно таковы два интеллектуала-философа, которых войне не удалось оторвать от дела и призвания. А.Шопенгауэр,

¹ Основные источники касательно А.Шопенгауэра: [Фишер, 1999; Гулыга, Андреева, 2003; Cartwright, 2010]; касательно Л.Витгенштейна: [Витгенштейн, 2015; Monk, 1991; Kanterian, 2007].

современник франко-немецких войн первых двух десятилетий XIX века, в очень малой степени сделал ее предметом размышлений, а телом, физически, уклонился от непосредственного соприкосновения с ней, предпочтя писать в уединении, на почтительном расстоянии от свиста пуль и грохота пушек. Совсем не так случилось у Л.Витгенштейна. Он, подобно М.Моссу, свою жизнь поставил на кон в той непоправимо бессмысленной аномалии, каковой бывает не всякая война, но была, по сути, Первая мировая. И все же, что поразительно, основное содержание его первой большой публикации складывалось и переносилось на бумагу на фронте.

Общим для двух философов было довольно раннее осознание одного крайне важного обстоятельства, не раздражавшего, впрочем, и не особенно печалившего их. Ни один из них не рассчитывал на понимание и признание современников. А.Шопенгауэр пишет об этом в предисловии к первому изданию “Мира как воли и представления” в 1818 году. А практически ровно через сто лет такие же признания заносит в “Дневник” и выражает в письмах Л.Витгенштейн, имея в виду “Логико-философский трактат”. Оба философа сосредоточены на себе, не то чтобы нелюдимы, но в дружбе и привязанностях скупы. И глубоко безразличны к любой разновидности публичной деятельности, никогда не предпринимая никаких попыток влиять на ход событий.

Свидетельств того, как А.Шопенгауэр воспринимал войну (ему было 18 в год поражения под Йеной и 25 во время освободительной войны Пруссии против Франции), не так много. О французском нашествии и страданиях в период оккупации в Веймаре подробно писала ему в Гамбург мама Иоганна, но письма оставили его равнодушным. В ответных он говорил об убогости человеческого существования, настаивал на необходимости помнить о страданиях французов от прусского нашествия; позже он придет к убеждению, что страдать человеку предназначено. Письма мамы не подвигли его взять в руки оружие, увлечься идеями национального единства или разделить пафос “Речей к германской нации” Г.Фихте, как отмечает Д.Картрайт [Cartwright, 2010: p. 105–109]. В годы оккупации он сосредоточенно изучает И.Канта и Платона.

Известна и часто цитируется выдержка из его резюме (curriculum vitae), поданного на философский факультет университета Йены уже после победы над французами: “Когда...в Берлине муз испугал военный шум...я тоже убрался оттуда, ибо я присягал лишь их знаменам; но не только поэтому. Дело в том, что в силу особого стечения обстоятельств повсюду я чужой и нигде не исполняю гражданских обязанностей... более того, дело еще и в том, что я проникнут глубоким убеждением, что рожден для того, чтобы служить человечеству головой, а не кулаком, и что моя родина больше, чем Германия”.

В стране война, но А.Шопенгауэр без стеснения признается, какого мира патриотом он является. Не мира гражданства, национальных мифов, иерархий, вражды, глупости, бедствий, страданий. Не мира, в котором люди, стремящиеся удовлетворить свои желания и прихоти, представляют главную опасность. Они склонны к бесчинствам, и их лучше всего сторониться. Он патриот космополитического мира, не ведающего национальных границ мира мысли и интеллекта, клятву верности которому дал однажды и навсегда; мира, где вещи имеют единственно правильные имена и уже тем самым вызывают доверие, не подвластное инфляции. Буквально, все мое и я сам — здесь. Дистанция между мирами соизмерима с той, что он устанавливал между со-

бой и повседневностью. Небольшое наследство обезопасило его от вмешательства государства и позволило избежать обязанности служить ему. Несговорчивость, заносчивость, нетерпимость были столь очевидными и постоянными чертами характера философа, что упоминание о них в любом нарративе, не ограничивающемся анализом произведений, является обязательным. Маму Иоганну, уже имевшую имя писательницу, находящуюся в дружеских отношениях с Гёте, еще в студенческие годы Артура раздражало его безапелляционное в разговорах “это так и не иначе”.

Война за освобождение (февраль 1813-го) и естественно сопутствующий ей подъем национального патриотизма оставляет его равнодушным. Опасаясь входа французов в Берлин и, как иронично намекает К.Фишер, по сути предоставив германскому юношеству обязанность и долг воевать за отечество, в мае уезжает в Веймар. Импульс гражданской лояльности, неизвестно спонтанный или обдуманый, состоял лишь в том, что он на свои деньги вооружил добровольца, собравшегося отстаивать суверенитет Пруссии. В июне отправляется в княжество Рудольштадт, в город с тем же названием, где затворяется в единственно реальном мире, мире его собственной воли и представления, принадлежность к которому компенсировала отчужденность от мест (городов), народов, национальных культур. Ф.Ницше так сказал о том, кого почитал за своего духовного наставника, — “он не был ничьим подданным”.

Поселившись в гостинице, А.Шопенгауэр завершает докторскую диссертацию “О четвероюм корне закона достаточного основания”, основные положения которой продумывались тогда, когда Наполеон диктовал свои условия Германии и устанавливал свои правила. Естественно, в философском труде об основаниях познания отсутствует слово “война”. В октябре того же 1913 года в Йене ему заочно присудили искомую степень. И ко всему, еще в Берлине он завел тетрадку, в которой есть запись, дескать, в “моей голове растет философский труд” — тот, что через несколько лет оформится в “Мир как воля и представление”.

* * *

Через сто лет, уже не просто во время войны, а присутствуя на фронте, скомпоунет свой основной труд и Л.Витгенштейн. К началу Первой мировой австрийскому подданному и волонтеру 25 лет, как и в 1813-м А.Шопенгауэру, с произведениями которого он познакомился достаточно рано, и современные исследователи находят следы влияния философа-пессимиста на творчество Л.Витгенштейна. Всегда он, подобно космополиту из Данцига, стремился пребывать наедине со своими мыслями — общение с умными другими, по его собственному признанию времен обучения в Кембридже, крайне вредило.

Доброволец, освобожденный от воинской повинности, 9 августа 1914 года записывает в дневнике, что “третьего дня” (через день после того, как Австро-Венгрия объявила войну России) был прикомандирован ко 2-му полку крепостной артиллерии в Кракове, а спустя десять дней отправлен на службу на военном катере. Вокруг постоянно люди, к поведению, речам и поступкам которых он испытывает антипатию. Перевод на сушу, в артиллерийское подразделение, улучшил ситуацию, “мерзавцев” вблизи стало меньше. Но никогда соображения о так называемом фронтовом братстве не

посещали его. Первый военный опыт приводит к мыслям о самоубийстве, в научной и художественной литературе ищет средства их нейтрализации. Одним из них стало “Краткое изложение Евангелия” Л.Толстого — книга, к которой он советует непременно обращаться находящимся в армии друзьям. В дневнике есть запись понравившейся ему мысли Л.Толстого о том, что мы не властны над своим телом, но свободны в своем духе. Всю войну находят время перечитывать А.Шопенгауэра, писавшего о возможности страдания и отчаяния такой интенсивности, что мысль о самоубийстве уже не представляется безумной.

Весной 1916-го в составе артиллерийского полка попадает на фронт. Только тогда, фактически, началась для него война. Р.Монк, собрав свидетельства очевидцев, полагает, что он отправился воевать не ради отечества, а ради себя, будто желая развеять сомнения в собственной порядочности, многие годы, не только военные, его не оставлявшие. Он шел за новым опытом, отличным от интеллектуального, опытом приближения к смерти и корректирующего личность переживания реальных последствий минимальной дистанции между быть и не быть — шел, чтобы “стать другим”. Сближение логики и этики в его последующем творчестве имело, как говорят знатоки, этот источник.

Свои наблюдения и реакции Витгенштейн фиксирует в записных книжках. Исследователи его жизни и творчества говорят о семи — размером с гроссбух, в разноцветных переплетах. Современные гроссбухи имеют формат А4–А6, объемом 70–80 страниц. Вот что (по крайней мере что-то подобное) помимо всякого прочего обязательного снаряжения, поначалу в ранце вольноопределяющегося, а позже — офицера передвигалось вместе с их владельцем вдоль линии фронта, в тыл, на линию огня. Каким-то образом сохранились (хотя Л.Витгенштейн требовал все уничтожить) три из них, за 1914–1916 годы, период службы в тылу, не на передовой. Каждая заполнялась примерно в течение полугода следующим образом: на правой странице разворота ставилась дата и записывались материалы, составившие впоследствии содержание “Логико-философского трактата”. На левой странице после даты — личные впечатления о происходящем и более интимные переживания, часть которых шифровалась простеньким кодом — страховка от заурядных любопытствующих. Эту левую часть вместе с расшифровкой ныне публикуют как “Тайные дневники”.

На правой стороне первого гроссбуха в сентябре 1914 года (числа по месяцам приводятся выборочно — всего лишь для впечатления о регулярности работы) 17 записей предварительных материалов, чаще развернутых, реже в одно или 3–5 предложений, в октябре — 29, в ноябре — 28, в марте 1915 года — 8, в апреле — 17, в июне — 22. В апреле 1916 года — 6, в мае — 2, в июне — 1, в июле — 12. А на левой стороне гроссбуха, в “Тайном дневнике”, в сентябре 1914-го 23 записи, в другие месяцы и годы впечатления заносятся с не меньшей регулярностью. Никакой реакции на успехи или неудачи австро-венгерских армий. Но всегда педантично отмечается отсутствие суждений на правой стороне — “не работал”. Не о праздности речь, на службе всегда есть чем занять солдата; но — не думал, не прояснял, не аргументировал — не работал.

С друзьями из Кембриджа (Б.Рассел, Дж.Мур, Д.Пинсент, Д.Кейнс) — противниками в войне — переписывается через Швейцарию; все надеются на скорое окончание милитаристского безумия и возобновление научного

общения. Англичане, записывает в дневнике, лучшие люди и “должны победить”. В октябре 1915 года дает знать Б. Расселу, что завершает большой текст — первую версию проделанного логико-философского исследования. Несколько месяцев подряд строит планы относительно того, куда его переправить и как печатать. Версия, однако, не сохранилась.

За участие в боях награжден двумя медалями. В январе 1917 года вновь на Восточном фронте, летом в тяжелейших, с огромными потерями с обеих сторон сражениях у Черновцов и Коломый — на одном из участков Брусиловского прорыва — вновь отличается. В представлении к очередной медали командование отмечает его мужество как пример в исполнении воинского долга. Во второй половине 1917 года затишье на Восточном фронте, а позже перевод в Италию благоприятствовали “работе” — подготовлена большая рукопись и в переписке с Г. Фреге снова рассматриваются перспективы обсуждения ее содержания и публикации.

Из “Тайных дневников”, а еще больше из писем родным и коллегам видно, что Л. Витгенштейн глубоко ошеломлен непоправимой беззащитностью и хрупкостью индивидуального существования, вдруг обнаружившейся логической и этической неразличимостью добра и зла в таком пагубном экстраординарном опыте, каким является война. В грессбухах появляются записи о подлежащих исследованию не только основаниях логики, но и основаниях жизни. Однако посильна ли задача, он не знает. Упоминания о Боге прочитываются и как признания в полной утрате контроля над собственной жизнью — на войне иначе не бывает.

В семье горе. Брат Пауль потерял руку в плену, после тяжелого ранения на Восточном фронте. Брат Курт застрелился, не перенеся разложения дисциплины в армии и поражения Австро-Венгрии. Особенно тяжело Витгенштейн переживал гибель в авиакатастрофе в мае 1918 года Д. Пинсента, потомка Д. Юма, сотрудника в некоторых исследованиях, того, чье первое полученное на фронте письмо он “страстно поцеловал”. Дядя Пауль Витгенштейн случайно обнаруживает Людвиг (он в отпуске) в глубокой депрессии на железнодорожном вокзале Зальцбурга, едва ли не в шаге от самоубийства. Приводит в свой дом, где в июле — сентябре 1918 года окончательный вид принимает “Логико-философский трактат”. Копии рассылаются друзьям и в издательство, но публикация не состоялась. Одна из копий была с ним в плену в Италии, там, где верность призванию интеллектуала истощилась.

Биографы отследили изменения в мировоззрении и установках Л. Витгенштейна, озадачившие, прежде всего, самых близких. В свои тридцать с небольшим ветеран войны обратился к практикам самоисключения из прежней жизни. Перебрался из особняка Витгенштейнов в маленькую квартиру и совершил то, что в семье расценили как “финансовое самоубийство”. Будучи богатым наследником, видел единственно достойное применение деньгам — раздаривать. В Кембридже обеспечивал стипендии нуждающимся студентам, накануне Первой мировой в Вене передал одному издателю 100 тысяч крон для поддержки писателей и художников (Р. Монк подсчитал: 40–50 тысяч фунтов стерлингов в ценах 1990-х годов; в 1913-м за 1 крону можно купить 1,5 кг сахара). По 20 тысяч получили поэты Р. М. Рильке и Г. Трахль (в ноябре 1914-го, мобилизованный в армию, покончил с собой в Кракове, за два дня до того, как Л. Витгенштейн возвратился в город и обещал навестить его в госпитале в ответ на присланное поэтом при-

глашение; его стихи нравились философу). В январе 1917 года жертвует правительству 1 миллион крон на разработку австрийской крупнокалиберной гаубицы [Kanterian, 2007: p. 71]. Летом 1919-го, через месяц после возвращения из лагеря военнопленных в Италии, отказался от наследства в виде американских ценных бумаг (Р.Монк называет его “одним из богатейших людей Европы”) и потом уже всегда вел аскетический образ жизни. В лагере военнопленных решил стать школьным учителем, позже в Вене посещал соответствующие курсы и шесть лет преподавал в деревенской школе, начав “новую карьеру и новую жизнь” вне мира публичных и непубличных интеллектуалов. Оставив преподавание, работая садовником, всерьез рассматривал вариант ухода в монастырь; потом два года строил особняк для своей сестры по собственному проекту.

После установления мира в Европе и краха Австро-Венгерской империи Австрия стала малозаметным политически и экономически образованием на карте. Иррациональность происшедшего, разрушительный личностный опыт войны тела и переживания понесенных утрат, неизвестного происхождения твердая уверенность Л.Витгенштейна в том, что основные философские проблемы им разрешены в “Трактате”, а его миссия в философии завершена, бесповоротно обесценили смысл дальнейшего участия в интеллектуальной жизни. Даже судьба первого большого научного труда после опубликования не особенно волновала его: он не может быть интерпретирован в каком-то лучшем/понятном виде, а потому — отстранен.

Разрыв отношений с коллегами, как мы знаем, не был полным, но возвращение в интраинтеллектуальный академический мир случилось лишь десятилетие спустя.

* * *

Классификации, что известно каждому, кто хоть раз попытался свести эмпирически наблюдаемое в некие категории, не свободны от произвольности. С ней приходится мириться хотя бы для того, чтобы нарратив состоялся. Ситуации, в которых оказывались интеллектуалы во время войны или которые избирали для себя сами, более многочисленны. К тому же Первая мировая никак не идентична Второй по многим признакам, хотя обе — войны. Не удивительно, что позиции ученых и писателей множились и изменялись. Война мыслей неким естественным образом следует националистической интенциональности разума, возбуждая рефлекссию о народном духе и характере, даже больше — их миссии в становлении человечества. Как у Т.Манна, например, в статье “Мысли во время войны” и книге “Рассуждения аполитичного” (в иных переводах — “Размышления аполитичного”) — двух изысканных творениях прогосударственности и почвенности художника. Возврат к более взвешенной, приличествующей автономному интеллектуалу установке зависит от конкретной ситуации, требует времени и бескомпромиссного самоанализа. Т.Манн так и эволюционировал, не оставляя “фронта мыслей”, как он сам его именовал, но двигаясь в ином направлении. В конце 1920-х — начале 1930-х годов за протест против набирающего силы национал-социализма его уже обвиняли в антинемецких настроениях, и он вынужден был эмигрировать.

З.Фрейд в первые недели августа 1914 года наконец-то “почувствовал себя австрийцем” и продолжал верить в победу нескольких следующих лет. Но

уже в 1915 году все большую часть времени проводил в “примитивном окопе”, как называл это его брат — пытался спасти журналы, в которых печатал свои работы и брал на себя редактирование, развивал и уточнял свои концепции в виде статей и эссе. И, подобно Э.Дюркгейму, удивлялся своей работоспособности — как в молодые годы. Б.Рассел и А.Эйнштейн на время поумерили свой пацифизм в конце тридцатых и первой половине сороковых годов прошлого столетия. А.Эйнштейн добился встречи с президентом США и убедил того выделить деньги на атомную бомбу. Оккупация Франции разделила интеллектуалов на антифашистов и коллаборационистов, о чем писал в своих воспоминаниях Р.Арон, а более подробно и основательно — П.Бэрт [Baert, 2015: р. 23–49]. М.Мосс удивлялся темам исследований некоторых коллег-антропологов, внушенных расовой идеологией захватчиков.

Упрощенным оказывается представление об интеллектуале как о том, кто способен безошибочно различать высокое/пристойное и вульгарное/возмутительное. Общезначимое научное и художественное дарование различать и творить видоизменяется или вовсе отступает тогда, когда имеет дело с национальными, говорящими на языке почвы и корней (культуры) стихиями самозащиты и самооправдания. В войну стояние наособицу — ни здесь, ни там — крайне редкое позиционирование, быть “поданным человечества” — удел единиц.

Источники

Вебер, М. (2007). *Жизнь и творчество Макса Вебера*. Перевод с нем. М. И. Левиной. Москва: РОССПЭН.

Витгенштейн, Л. (2015). *Дневники 1914–1916*. Москва: КАНОН + РООИ “Реабилитация”.

Гулыга, А., Андреева, И. (2003). *Шопенгауэр*. Москва: Молодая гвардия.

Каубе, Ю. (2016). *Макс Вебер. Жизнь на рубеже эпох*. Перевод с нем. И. Кушнарева, И. Чубарова. Москва: Издательский дом “Дело”.

Рассел, Б. (2000). *Автобиография*. Москва: Иностранная литература.

Фишер, К. (1999). *История новой философии*. Артур Шопенгауэр. Москва: Лань.

Baert, P. (2015). *The Existentialist Moment: the Rise of Sartre as a Public Intellectual*. Cambridge: Polity Press.

Benda, J. (2014). *The Treason of Intellectuals*. New Jersey: Transaction Publishers.

Cartwright, D. E. *Schopenhauer: a Biography*. Cambridge: Cambridge University Press.

Chomsky, N. (2017). *It is the Responsibility of Intellectuals to Speak the Truth and to Expose Lies*. New York: The New Press.

Derman, J. (2012). *Max Weber in Politics and Social Thought*. From Charisma to Canonization. Cambridge: Cambridge University Press

Fournier, M. (2006). *Marcel Moss. A Biography*. Translated by J. M. Todd. Princeton and Oxford: Princeton University Press.

Fournier, M. (2013). *Émile Durkheim. A Biography*. Translated by D. Macey. Oxford: Polity Press.

Golovin, N. A. (2019). *Max Weber and the Great War: Personal Opinions and Essays as Historical Sociology*. *Russian Sociological Review*, 18 (2), 138–145.

Johnson, P. (2008). *Intellectuals*. From Marx and Tolstoy to Sartr and Chomsky. HarperCollins e-book.

Kanterian, E. (2007). *Ludwig Wittgenstein*. London: Reaktion Books Ltd.

- Laiz, A. M. (2019). Introduction: Max Veber's Science as a Vocation as Political Failure. *Journal of Classical Sociology*, 19 (3), 223–228.
- Lukes, S. (1972). *Emile Durkheim. His Life and Work*. New York: Harper & Row, Publishers.
- Monk, R. (1991). *Ludwig Wittgenstein. The Duty of Genius*. London: Penguin Books.
- Russell, B. (1939). The Role of the Intellectual in the Modern Time. *The American Journal of Sociology*, XLIV, 4, 491–498.
- Russell, B. (2009). *Autobiography*. London and New York: Routledge.
- Allott, N., Knight, C., & Smith, N. (Eds.). (2019). *The Responsibility of Intellectuals*. Reflections by Noam Chomsky and Others after 50 years. Commentaries by Noam Chomsky. London: UCL PRESS.
- Said, E. W. (1996). *Representation of the Intellectuals*. New York: Vintage Books.
- Sowell, T. (2010). *Intellectuals and Society*. New York: Basic Books.
- Susen, S., Baert, P. (2017). *The Sociology of Intellectuals*. After “The Existentialist Moment”. (eBook): Palgrave Macmillan.

Получено 03.09.2019

References

- Weber, M. (2007). *The life and work of Max Weber*. [In Russian] Tr from it. M.I. Levina. Moscow: ROSSPEN. [=Вебер 2007]
- Wittgenstein, L. (2015). *Diaries of 1914-1916*. [In Russian] Moscow: CANON + ROOI “Rehabilitation”. [= Витгенштейн 2015]
- Gulyga, A., Andreeva, I. (2003). *Schopenhauer*. [In Russian] Moscow: Young Guard. [=Гулыга, Андреева 2003]
- Kaube, J. (2016). *Max Weber. Life at the turn of the eras*. Tr. from it. I. Kushnareva, I. Chubarova. [In Russian] Moscow: Publishing House Delo. [=Кайбе 2016]
- Russell, B. (2000). *Autobiography*. [In Russian] Moscow: Foreign literature. [=Рассел 2000]
- Fischer, K. (1999). *History of a new philosophy. Arthur Schopenhauer*. [In Russian] Moscow: Doe. [= Фишер 1999]
- Baert, P. (2015). *The Existentialist Moment: the Rise of Sartre as a Public Intellectual*. Cambridge: Polity Press.
- Benda, J. (2014). *The Treason of Intellectuals*. New Jersey: Transaction Publishers.
- Cartwright, D. E. *Schopenhauer: a Biography*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Chomsky, N. (2017). *It is the Responsibility of Intellectuals to Speak the Truth and to Expose Lies*. New York: The New Press.
- Derman, J. (2012). *Max Weber in Politics and Social Thought. From Charisma to Canonization*. Cambridge: Cambridge University Press
- Fournier, M. (2006). *Marcel Moss. A Biography*. Translated by J. M. Todd. Princeton and Oxford: Princeton University Press.
- Fournier, M. (2013). *Émile Durkheim. A Biography*. Translated by D. Macey. Oxford: Polity Press.
- Golovin, N. A. (2019). Max Weber and the Great War: Personal Opinions and Essays as Historical Sociology. *Russian Sociological Review*, 18 (2), 138–145.
- Johnson, P. (2008). *Intellectuals. From Marx and Tolstoy to Sartre and Chomsky*. HarperCollins e-book.
- Kanterian, E. (2007). *Ludwig Wittgenstein*. London: Reaktion Books Ltd.
- Laiz, A. M. (2019). Introduction: Max Veber's Science as a Vocation as Political Failure. *Journal of Classical Sociology*, 19 (3), 223–228.
- Lukes, S. (1972). *Emile Durkheim. His Life and Work*. New York: Harper & Row, Publishers.

- Monk, R. (1991). *Ludwig Wittgenstein. The Duty of Genius*. London: Penguin Books.
- Russell, B. (1939). The Role of the Intellectual in the Modern Time. *The American Journal of Sociology*, XLIV, 4, 491–498.
- Russell, B. (2009). *Autobiography*. London and New York: Routledge.
- Allott, N., Knight, C., & Smith, N. (Eds.). (2019). *The Responsibility of Intellectuals. Reflections by Noam Chomsky and Others after 50 years*. Commentaries by Noam Chomsky. London: UCL PRESS.
- Said, E. W. (1996). *Representation of the Intellectuals*. New York: Vintage Books.
- Sowell, T. (2010). *Intellectuals and Society*. New York: Basic Books.
- Susen, S., Baert, P. (2017). The Sociology of Intellectuals. After “The Existentialist Moment”. (eBook): Palgrave Macmillan.

Received 03.09.2019

СЕРГІЙ МАКЕЄВ

Интеллектуали: три взірці ставлення до війни

Зразків ставлення інтелектуалів до війни, зрозуміло, менше, ніж самих інтелектуалів. Сама собою метаморфоза життя людських спільнот здатна якщо не виробляти ідеальні типи почуттів, стосунків чи долі, то, принаймні, наочно представити певний набір цих феноменів, кількість яких, утім, не піддається підрахунку. Причиною виявляються Події — те, що найсильніше збурує й трансформує звичне функціонування держав і повсякденних комунікацій громадян. Війна якраз і належить до такого роду Подій. На прикладі, головним чином Першої світової, показано три зразки ставлення до війни з боку інтелектуалів. Це публічний патріотизм у тилу, що його уособлюють Е.Дюркгайм і М.Вебер. Це патріотизм на фронті та публічний пацифізм у тилу, репрезентований М.Мосом і Б.Раселом. І це вірність покликанню інтелектуала як на фронті, так і в тилу, властива А.Шопенгаверу та Л.Вітгенштайну.

Ключові слова: Е.Дюркгайм, М.Вебер, М.Мос, Б.Расел, А.Шопенгавер, Л.Вітгенштайн, патріотизм, пацифізм, покликання інтелектуала

СЕРГЕЙ МАКЕЕВ

Интеллектуалы: три образца отношения к войне

Образцов отношения интеллектуалов к войне, разумеется, меньше, чем самих интеллектуалов. Сам по себе метаморфоз жизни человеческих сообществ способен если не выработать идеальные типы чувств, отношений или судеб, то, по крайней мере, визуализировать определенный набор этих феноменов, количество которых, впрочем, не поддается подсчету. Причиной оказываются События — то, что сильнее всего образует и трансформирует привычное функционирование государств и повседневных коммуникаций граждан. Война как раз и принадлежит к такого рода Событиям. На примере, главным образом Первой мировой, показано три образца отношения к ней со стороны интеллектуалов. Это публичный патриотизм в тылу, олицетворяемый Э.Дюркгеймом и М.Вебером. Это патриотизм на фронте и публичный пацифизм в тылу, представленный М.Моссом и Б.Раселом. И это верность призванию интеллектуала как на фронте, так и в тылу, свойственная А.Шопенгауэру и Л.Витгенштейну.

Ключевые слова: Э.Дюркгейм, М.Вебер, М.Мосс, Б.Расел, А.Шопенгауэр, Л.Витгенштейн, патриотизм, пацифизм, призвание интеллектуала

SERHII MAKEEV

Intellectuals: Three patterns of the attitude towards war

Certainly, the patterns of intellectuals' attitudes towards war are heavily outnumbered by the intellectuals themselves. Although the very metamorphosis of human communities' lives is not able to produce ideal types of feelings, relationships or destinies, it can at least visualise a certain set of these phenomena, which, however, are impossible to enumerate. What contributes to this state of affairs are Events because they severely disrupt and alter the normal functioning of states and everyday communication between their citizens. War is exactly this kind of Events. The author presents three patterns of the attitude towards war (mainly WWI) displayed by intellectuals. First, this is public patriotism in the rear embodied by E.Durkheim and M.Weber. Second, this is patriotism in the front line and public pacifism in the rear represented by E.Durkheim and M.Weber. And finally, this is loyalty to the mission of an intellectual both at the front and in the rear, which is characteristic of A.Schopenhauer and L.Wittgenstein.

Keywords: *E.Durkheim, M.Weber, E.Durkheim, M.Weber, A.Schopenhauer, L. Wittgenstein, patriotism, pacifism, mission of an intellectual*